

Внутри дворца Чаннин, в самом сердце императорской резиденции, тонкие струйки благовонного дыма, пронизанные яркими солнечными лучами, казались отлитыми из расплавленного золота.

Вдовствующая императрица Дун, облаченная в роскошные парадные одежды, безмолвно застыла посреди этого дымного марева. Ей было уже за пятьдесят, и, как бы тщательно она ни следила за собой, годы взяли свое: в уголках глаз давно залегли морщины. Седина тронула ее волосы, и она собрала их в простой пучок, закрепив лишь одной скромной, но чистой и прозрачной нефритовой заколкой в форме феникса. Темное платье, лишенное вычурности, придавало ей не столько юношеской свежести, сколько той тяжеловесной, властной стати, что не нуждается в громких словах.

Она подняла голову и с нежностью принялась рассматривать красивого юношу, который вырос и теперь возвышался над ней. В ее глазах блеснули слезы.

— Когда мы виделись в последний раз, ты едва доставал мне до плеча, — с грустью вымолвила она. — А теперь посмотри, каким стал.

Она тяжело вздохнула:

— Все эти годы ты был заперт в старом поместье, в беспросветной тьме и нужде. Бабушка не смогла вызволить тебя из той клетки раньше, прости меня за это.

Чжоу Цзэи лишь спокойно покачал головой:

— Все эти годы я получал от вас помощь, да и слуга, приставленный ко мне, следил за хозяйством, так что жилось мне не так уж худо. Лишь одно печалило: я тосковал по вам и не мог исполнить свой сыновний долг, находясь вдали от ваших колен.

Природа одарила его прекрасными персиковыми глазами, влажный блеск которых придавал любому его выражению налет романтической томности. Сейчас, обращаясь к единственному родному человеку, он смягчился, и этот взгляд мог бы растопить даже лед.

Императрица невольно вспомнила свою рано ушедшую дочь, и горе матери, пережившей собственного ребенка, нахлынуло с новой силой. Если бы она не привыкла годами держать лицо, скрывая чувства за маской невозмутимости, она бы сейчас, подобно простолюдинке, рухнула на пол и зарыдала в голос.

Отвернувшись, чтобы смахнуть слезы, она снова повернулась к внуку:

— Твой дядя, Нин, не пощадил родственных уз, погубил твоих родителей и заточил тебя, совсем еще ребенка, в стенах поместья. Он был жесток, но все же приходился твоей матери единственным братом. Теперь, когда он скончался, я лишь прошу тебя: не держи на него зла.

Большая княгиня Аньпин и глава поместья Увековечивающего Государство Хоу когда-то держали в руках всю власть, погрязнув в пороках и притесняя народ. Чтобы спасти государство, император Сюаньбу был вынужден пожертвовать родней. Императрица Дун, ослепленная материнской любовью, умоляла Сюаньбу — Чжоу Нина — заменить смертную казнь изгнанием, но он отказал, сославшись на гнев народа. Лишь ценой собственной жизни, которой она угрожала, ей удалось вырвать у него обещание сохранить жизнь Чжоу Цзэи — последнему представителю их рода. С тех пор отношения между матерью и сыном были холодны. Но теперь, лишившись и дочери, и сына, эта женщина казалась постаревшей на десяток лет.

Чжоу Цзэи плотно сжал губы:

— Я понимаю. Дядя был вынужден так поступить, занимая свой пост. Я не держу на него зла.

— Ты так рассудителен, душа твоей матери обретет покой, — вздохнула императрица. — Аньпин была почти на десять лет старше Нина. Когда-то она хотела, чтобы твой дед объявил ее наследной принцессой. Но он отказал и назначил десятилетнего Нина наследным принцем. Аньпин затаила обиду, и ее последующие поступки... что ж, они были неразумны. Наверное, она до самого конца мечтала о троне. Если бы я знала, чем все обернется, я бы нашла способ убедить твоего деда сделать ее наследницей. Тогда не было бы той страшной вражды между братом и сестрой, и ты не остался бы сиротой. У Нина не было детей, и я обещаю тебе: я сделаю все возможное, даже пойду на крайние меры, но возведу тебя на престол. Поднебесная Наньчжао в итоге окажется в твоих руках.

Чжоу Цзэи ответил невозмутимо:

— Благодарю вас, бабушка.

— Ты вышел из поместья, и черная полоса позади, — улыбнулась императрица. — Сейчас не время восстанавливать поместье Хоу, пусть пока остается в запустении.

— Я понимаю.

— В ближайшее время живи во дворце. Нин так и не выбрал себе императрицу и не завел наложниц...

Императору Чжоу Нину было уже тридцать, но гарем пустовал, что приводило в отчаяние и императрицу, и весь чиновничий аппарат. Но сейчас об этом не стоило и говорить.

— Всех детей и внуков твоего деда от других наложниц выслали из дворца еще десять лет назад, когда Нин взшел на престол. С тех пор здесь, кроме меня, никого нет, кругом лишь пустота. Живя здесь, ты будешь рядом, сможешь беседовать со мной и следить за дворцовыми делами. Поместье Хоу утратило влияние, у тебя нет опоры при дворе. Соперничать с князьями, у которых за спиной годы интриг и целые клики сторонников, будет непросто, даже если Линь

Цэ согласится тебе помочь.

— Бабушка, — нахмурился Чжоу Цзэи, — Великий генерал, подавляющий Север, не желает мне помогать.

— Вот как? — глаза императрицы сузились, и прежняя мягкость мгновенно сменилась холодным расчетом. — Я пригрозила ему урезанием провизии, чтобы заставить его вернуться в столицу и встать на твою сторону. Понятно, что он затаил обиду. Но как бы он ни упирался, ему придется помочь тебе взойти на трон. Терпи его крутой нрав, а со временем найдешь способ приручить. Тот, кто метит в правители, должен обладать широкой душой и уметь скрывать свои истинные намерения.

— Я понимаю, но боюсь, что Линь Цэ неискренен. Что, если он объединится с другими членами императорской семьи и обернется против нас?

— Ты мыслишь здраво, — одобрительно кивнула императрица, переходя к урокам политического равновесия. — Знаешь ли ты, почему из всех военачальников я выбрала именно его, несмотря на множество других достойных мужей?

Чжоу Цзэи задумался:

— Потому что он далеко от столицы, почти не связан с чиновниками и не станет плести заговоры с другими князьями?

— Это лишь одна из причин, — подтвердила императрица. — Главная в том, что он был предан твоему дяде больше всех. Он вышел из низов, за десять лет прошел путь от рядового до наместника, и все благодаря покровительству Нина. Кроме того, поставки провизии и снаряжения для армии Чжэньбэй всегда были в приоритете. Сын нашей семьи никогда не обделял его. Даже старый генерал Чжун, командующий армией Чжэньнань, был недоволен тем, что снабжение северян было лучше. К счастью, твой дядя не ошибся в нем: он умеет быть благодарным. Ты — кровь рода Чжоу, единственный наследник Аньпин, племянник императора Сюань. Он никогда не пойдет против тебя. А что до остальных потомков, — она презрительно усмехнулась, — то это никчемные мешки с рисом, недостойные трона. Если они придут к власти, Наньчжао ждет упадок, и великое дело твоего дяди пойдет прахом. Ради блага народа Линь Цэ обязан помочь тебе стать императором. И запомни, И-эр, — добавила она с холодной усмешкой, — армия Чжэньбэй — это его опора и его слабость. Держи их в руках, и Линь Цэ будет плясать под твою дудку.

Чжоу Цзэи опустил глаза:

— Я запомню это.

— Кстати, — спросила императрица, — что ты думаешь о евнухе Сунь Юдэ, который сопровождал Линь Цэ?

— Он был почтителен, — ответил Чжоу Цзэи, — но не заискивал, держался ровно. Больше ничего сказать не могу.

— Этот Сунь Юдэ — человек полезный, — императрица принялась рассказывать о нем. — Евнухи при дворе отличаются от сановников. Чтобы добиться расположения, они должны льстить и угождать. Посмотри на него: узкие глаза, квадратное лицо, вид простака. Разве похож он на хитрого и изворотливого царедворца?

Чжоу Цзэи покачал головой:

— Он знал, что я буду будущим правителем, но не выказал ни капли подбострастия.

— Именно. Он всегда был таким: прямой, не умеющий заискивать. С таким характером он должен был всю жизнь прозябать в низах. Но он стал Санци чанши, одним из самых доверенных лиц твоего дяди. Знаешь почему?

— Он не льстит, но добросовестно выполняет поручения дяди.

— Ты проницателен, — императрица была довольна тем, что десять лет заточения не сломили внука. — Сунь Юдэ не умеет красиво говорить, но любое дело доводит до конца. Однажды он раскрыл заговор евнуха-надзирателя, который воровал провизию, предназначенную для северной армии. Твой дядя и Линь Цэ доверяют ему и сделали его постоянным связным в Шобэе. Он стал почти что личным адъютантом Линь Цэ. Когда ты взойдешь на трон, тебе понадобятся такие верные люди. Постарайся привлечь его на свою сторону. Ты — племянник Нина, твой статус теперь высок, и переманить его будет несложно.

Чжоу Цзэи послушно кивнул:

— Я понял.

— И еще, я хочу представить тебе одного человека, — императрица взглянула на двери. — Юэчжи, входи.

В зал вошел человек в облачении евнуха и, опустившись на колени, поклонился:

— Ваш слуга приветствует императрицу и Ваше Высочество.

<http://bllate.org/book/20257/2020359>